

Нагано Кент

9.04.03.

Русская месса

Кент Нагано попробовал свои силы в исполнении И.-С.Баха

Концерт казался в высшей степени необычным еще с того самого дня, когда о нем впервые оповестили. Кент Нагано дирижирует си-минорной мессой Баха – сама эта фраза звучала парадоксом, потому как совершенно немотивированным выглядело обращение специалиста по музыке XX века к шедеву позднего барокко. Возникал вопрос: как на такой рискованный проект мог пойти Российский национальный оркестр – коллектив с совершенно “небарочным” профилем. Наконец, некоторое недоумение вызывал и выбор концертной площадки – новый Дом музыки на Красных Холмах, где к тому моменту еще не поставили орган, необходимый для исполнения Баха.

И с точки зрения истории исполнительского искусства нынешнее исполнение мессы представляло собой весьма колоритное явление. Не секрет, что в последние годы прогрессивные умы поразило аутентичное направление в музыке – стремление “услышать” произведения барокко без прикрас романтической эпохи, исполненные на оригинальных старинных инструментах чистыми, воздушно-легкими голосами. Более уместно это стремление было бы, впрочем, назвать мечтой – в Москву почти не наезжали лучшие ансамбли старинной музыки, и о достоинствах и недостатках исторически достоверного исполнения мы могли судить по записям, а вживую – внимать тому, что предлагают филармонические будни. Кент Нагано, не понаслышке знакомый со всеми “аутентичными веяниями”, обещал некий компромисс между нашим несколько архаичным и романтизированным Бахом и его западным аналогом. В биографии японского дирижера есть такой примечательный факт: Нагано консультировался у Франца Брюггена, одного из самых искусных барочников, а посему имел возможность под руководством своего наставника “во всем дойти до самой сути”.

Концерт произвел очень смешанное впечатление. Нельзя было по-

ставить под сомнение тот факт, что Нагано основательно поработал с нотным текстом, распутал бесчисленные полифонические нити хоров, ощутил всю полноту танцевальных ритмов дуэтов и арий. Вместе с тем на протяжении двух с половиной часов он – иногда успешно, иногда не очень – искал взаимопонимания с вверенными ему исполнителями: громадная месса стала поводом для нахождения общего языка между западным дирижером, имеющим одно видение баховской музыки, и русскими исполнителями, находящимися в зависимости (если не в подчинении) у своих традиций.

Московский камерный хор Владимира Мина и хор “Духовное возрождение” Льва Канторовича были явно несколько озадачены теми ураганными темпами, которые предложил им дирижер – в Gloria они вполне достойно справились с поставленной задачей, а вот в дважды сыгранной Osanna уже несколько устали. В медленных эпизодах Нагано культивировал достаточно скупой дирижерский жест и лаконичность выражения, что несколько стесняло его подопечных, ибо именно здесь российские хористы привыкли продемонстрировать всю красочную тембровую палитру своих голосов.

Оркестр, в силу неоднократных контактов с маэстро, чувствовал себя более уверенно – струнники были на удивление слаженны, духовые – точны и местами по-настоящему виртуозны (взять хотя бы арию баса с солирующей валторной). Вспоминая предыдущие немногочисленные опыты РНО по части музыки XVIII века, можно было только отдать должное оркестру, который столь аккуратно и безболезненно “вошел в стиль”.

Единственным безусловным минусом исполнения стали солисты. Этот упрек, вероятно, логичным будет адресовать не дирижеру, а дирекции оркестра, подобравшей, в принципе, хорошие голоса, но не имеющие ровным счетом никакого отно-

шения к барочному вокалу. Исключением стала опытная Яна Иванилова (первое сопрано), которая тем не менее чувствовала себя не столь уверенно, как того требуют баховские арии и дуэты, “инкрустированные” изысканными фиоритурами. Виной тому отчасти стали ее коллеги – Виктория Смирнова, для которой партия второго сопрано откровенно неудобна, и тенор Михаил Губский, постоянно сбивающийся на слезные оперные интонации, что звучало невыразимо банально. Троица других солистов в стилистическом отношении словно шла по тонкому льду – ни Андрей Бреус (баритон), ни Александр Виноградов (бас-баритон), ни Елена Буланькова (меццо-сопрано), придавая гениальному Agnus Dei задушевность русского романса, тест на соответствие барочному вокалу не прошли. А может, и не пытались? Ведь Бах, Гендель и Вивальди чрезвычайно редко попадают на пути российского вокалиста, на всевозможных конкурсах служат обязательным “довеском” к программе, едва ли не принудительной, и за серьезную, соответствующую отечественному размаху музыку как бы и не считаются. Может, и так, но настоящим ценителям Баха, в большом количестве пришедшим в Дом музыки в этот вечер, было от того не легче.

Кстати, о Доме музыки. Противоречивые сведения о качестве акустики в Большом зале этого нового центра наконец были приведены к общему знаменателю. Акустику зала, конечно, нельзя назвать идеальной – из разных точек здесь по-разному слышно (могу порекомендовать амфитеатр, куда посадили прессу), но звук летит вполне легко, обретая теплоту и объем, хотя и не всегда наполняя весь зал без остатка. Существует справедливое мнение, что новый зал, как и новый инструмент, нужно обыграть. Поэтому делать преждевременные заключения о Доме музыки еще несколько рано.

Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ